

Наталья Тимофеева

Холсты

Стихи и песни

Тимофеева Наталья

Холсты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12261108

ISBN 978-5-4474-3172-3

Аннотация

Перед вами третья книга Натальи Тимофеевой, которая соединила в себе её юношеские пробы пера с современными стихами, некоторые из которых были написаны в реанимации. Книга была издана в Москве небольшим тиражом, это второе электронное издание.

Содержание

Ювенальные вирши (1968—1976гг)	9
Родная обитель	9
Бедолаги	11
В сумерках	12
Снег невесом	13
На автобусных билетах	14
Старый дом	16
Стихи для детей	17
Лунный страж	17
Ночная прогулка	19
Лунная лягушка	21
Дождь	22
Любимчик	23
Летний ливень	25
Холсты	27
Старые часы	27
Речитатив	29
В сумерках	30
Звучание	31
Человече	32
Застенчиво, доверчиво, печально	34
Солнце ходит по малому кругу	36
Докучливо, рассеянно, тревожно	37

Сила слова	39
Её величество ночь	40
Мыслью светлой, но печальной	41
Белорыбица	42
Сентябрь	43
Цикл «Наедине»	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Холсты

Стихи и песни

Наталья Тимофеева

© Наталья Тимофеева, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

СВОЙ НЕПОВТОРИМЫЙ ГОЛОС

«Стихи пишут многие. Умеют это делать примерно 2—3% пишущих.

Сохраняют в наши дни корневую связь с великими традициями русской поэзии единицы. Национальный поэт – это не квасной патриот, выясняющий в своих, пахнущих несвежим потом, сивушной отрыжкой и душистым ладаном виршах, по чьей вине в кране нет воды. Национальный поэт – это тот, в сердце которого боли и несчастья Родины отзываются собственной болью. И упрек обращен, прежде всего, к своему же народу, под славословия и причитания профукавшему страну. А если упоминаются «чужаки», то речь идет не об «инородцах», а о ментально чуждых, тех, для кого страна, ее богатства и народ – только предмет наживы. Неважно – правительственные ли это чиновники, или те, о ком Блок (поэт, глубоко веровавший в Бога,

но знавший цену его служителям) писал: «Помнишь, как бывало брюхом шел вперед, и крестом сияло брюхо на народ».

Эта подлинная, лично выстраданная боль дает право на искренние и страшные слова:

Несчастен люд, влекомый вражьей силой.
Цивилизация – всему конец?
Чья злая воля мир поработила,
Тот и теперь властитель всех сердец.

Лукавство в душах изменило нравы,
Какие мы – такой над нами царь.
Немного нам осталось от Державы,
Лень порождает пьянство. И, как встарь,

Нам «добрый барин» снится, мы не можем
Из летаргии выпростать тела
И дружно плачем: «Помоги нам, Боже!»
Но сами служим только силам зла.

Эти строки взяты из одного стихотворения, помещенного в сборнике Натальи Тимофеевой «Холсты» – книги, вобравшей в себя итог десятилетий поэтического труда. По стихам можно составить картину духовного роста авторского «я» или, иными словами, лирической героини.

От милых сердцу невзрослых страданий первой любви и гармоничного чувства природы – к ощущению

полноты мира

во всей его катастрофичности и красоте.

Сегодня многие стихотворцы ломают через колено форму русского стиха, всегда требовавшего чеканности ритма, точного размера и запоминающейся рифмы, ибо именно форма придавала содержащемуся в стихе посланию мощь и убедительность.

Верлибр русской поэзии чужд, чаще всего, он превращается в косноязычную прозу, а неряшливость, ведущая к расхристанности стиха, и банальные – а порой неуклюжие – рифмы говорят только об одном – утрате профессионализма.

Как правило, неряшливость формы ведет к развязной пустоте стиха. Наталья Тимофеева счастливо избегает этого распространенного в наши дни поветрия. Стих ее классичен в лучшем смысле слова. Любовь поэта-гражданина пребывает здесь в гармоническом единстве с любовью лирика к родной природе. Пейзажные стихи Тимофеевой изысканны, их строгая красота впечатляет.

Белый день, серый дождь, беглый час...

Целый мир увяданьем объят.

Вот уж близится Яблочный Спас,

Затяжелел от бремени сад.

Лето наше подходит к концу,

Небо нынче ослепло от слёз,

К золотому готовит венцу

Осень ветви промокших берёз.

Далеко ли осталось идти,
Далеко ли лететь до зимы,
Мы не ведаем, сколько в пути
Будут синие эти холмы.

Обниму серебро паутин,
Прикоснусь к непогоде щекой,
Пусть беснуется ветер с равнин
Над рекой, над рекой, над рекой...

Гулким эхом наполнится ширь,
Даль уйдёт за дожди, за туман...
Осень, осень, сердец монастырь,
Всё непрочно, всё – давний обман.

Поэт тогда поэт, когда он обладает своим голосом, но связан с традицией. «Родословная» Натальи Тимофеевой – от Некрасова, Есенина, может быть – Фета, чуть-чуть от Кольцова.

Но это не подражание. Это – встроенность в благородную линию.»

*Борис Исакович Тух – писатель, филолог,
драматург, литературный критик,
автор книги «Путеводитель по Серебряному веку».
автор книги «Путеводитель по Серебряному веку».*

Ювенальные вирши (1968—1976гг)

Родная обитель

За скрипом старенькой калитки,
Между крыжовенных кустов —
Густые терпкие напитки
Из воздуха и голосов,
Из запахов грозы и яблок,
Из шелковых росистых трав,
Из нежных шампиньонных шляпок,
Дождинок, льющихся в рукав...
Здесь все такое обжитое,
До боли давнее, моё,
Своим подсолнечным покоем
Определяет бытиё:
Все так же холодень колодца
Купает вёдра в глубине,
Скворцам на яблонях поётся
Всё те же песни, да не мне.
А я бываю реже, реже...
Почти чужая. С холодком
Меня встречает безмятежность,
Окутавшая старый дом...
Скрипят тугие половицы, —

Из детства тяжкие шаги...

Ты, родниковая водица,

Меня от бед убереги!

Бедолаги

Дымок усталый от костра,
Дотла сгоревшая картошка,
И шорох павшего листа,
И серебристая дорожка
Скатившейся в ручей луны,
Деревьев говорок неспешный,
И призрачные скакуны,
И прикорнувший в чаще леший...
Когда-то папоротник цвёл
В такие замершие ночи,
И хоровод русалок вёл
Свой танец – невесом и точен.
В лесу волшебном голоса
Звучали жалобно и жутко,
И сыпал ягоду с куста
Сынок кикиморы, малютка...
Мы утром на кострище хлеб
Оставим древним бедолагам,
Кого загнал двадцатый век
По омутам, да по оврагам.

В сумерках

Растаяло всё, изумлённо исчезло,
Пожала любовь на прощанье плечами,
И сумерки вновь одиноко скучают,
Забравшись с ногами в глубокое кресло...
Ткёт время незримо свою паутину,
Сбегают по окнам неровные нити...
Ненужная боль запоздавших наитий,
Минувшего лица испуганно стыннут...
А топкое лето проходит, проходит,
Гвоздями дождинок сады распиная,
И спутанных мыслей неровная стая
Покоя, приюта себе не находит:
Растаяло всё, изумлённо исчезло,
Пожала любовь на прощанье плечами...

Снег невесом

Снег невесом, сыпуч и тих,
Как сон уставшего ребёнка.
Откуда, из какой сторонки
Принёс он нежность губ твоих?
Ты далеко, не знаю, где,
Но входит мягкими шагами
Снег на крыльцо, и вновь над нами
Один и тот же он. Везде,
Куда бы нас не увлекли
Легки-мечты, – святая небыль,
Склонённое над нами небо
Одно, как жизнь, как соль земли.
А, может случиться, кувырком
Промчит судьба, презрев дороги,
И ляжет на твоём пороге
Лишь добрый снег тугим клубком...

На автобусных билетах

Спите, неволею взятые,
Тьмою веков уведённые,
Рясой гранитной одетые,
Тайнами нераскрытыми.
Сон ваш велик и мучителен,
Сон ваш – четыре столетия,
Глаз отжелавших мерцание
В прах обратилось под плитами.
Вы и любили и плакали
В стенах, душивших молчанием,
Слали проклятья и жалобы
Богу, к мольбам равнодушному.
Гордые и непокорные,
С злобою затаённую
Взгляды цариц отверженных
В чёрных плащах монашеских.
Ранних морщинок борозды,
Сколько вы бед скрываете,
Кистью иконописника
Через века пронесённые?
Солнце не всходит под мёртвыми
Каменных сводов громадами,
Сверху века отшумевшие
Вам провешали об атомном.
Девушки в брюках и кружеве

Смотрят с улыбкой на вериги.
Судьбы цариц – давней сказкою,
Экскурсоводом рассказанной.

Старый дом

Неяркий день погас в окне,
Стучит простуженная ветка.
Как черный всадник при луне —
Тень от рояля на стене,
И шаль забыта на кушетке.
Ни звука среди этих стен,
В ковре шаги давно уснули,
Лишь памяти непрочный плен
Еще хранит любимый тлен
И голосов знакомых улей...
Был продан дом и срублен сад,
Пустое место ветер студит...
Невозвратимое назад
Я вызываю, и закат
Всё гаснет на фруктовом блюде...
И, разгоняя холодок
Осенних сумерек, поленья
Трещат уютно, огонёк
Душистой свечки чист и строг,
И кошка дремлет на коленях...

Стихи для детей

Лунный страж

Испачкалась картонная луна,
И мыши-звёзды край у ней отъели.
Она висит обиженно на ели,
В моём окошке хорошо видна.

А по проходу между двух домов
За ней крадётся кот, сверкая глазом.
Мне сон сегодня противопоказан,
Вот-вот мерзавец наломает дров.

Я вышла в ночь с железной кочергой
Столкнуть луну зевающую с ветки,
Пугнуть кота, мышатам – по конфетке...
Ведь нет луны пока у нас другой...

Лежат фольга и старый трафарет, —
Давненько я луну не вырезала...
Ну, вот, нашла: мышам – кусочек сала,
Коту – вчерашних парочку котлет...

А что луна? Да вон она, летит.

Сказать по правде, чудом уцелела.
Ведь не было бы до неё мне дела,
Когда б не жалкий и сиротский вид.

Не спать из-за луны, – какой пассаж!
И благо, есть чем накормить воришек...
Весь мир страдал бы от лихих делишек,
Когда б не я – Великий Лунный Страж!

Ночная прогулка

Месяц тонкой долькой баклажана, —
Синевато-семечковый срез, —
Вышел нынче высоко и рано,
Словно вверх по лесенке залез.

Звёзды рядом жалобно мерцают,
Склёвывая бледный зыбкий свет,
И в тумане очертанья тают,
Обращая в акварель предмет.

Впереди не лес ли? Или дымка
Заслонила чудище собой?
Побеги вперёд, проверь-ка, Бимка,
Что там прячет ветер низовой!

Что он завернул неясным флёротом,
Как волшебной тайны громадьё,
И над чем косматое простёр он
Мокрой тучи тёмное тряпьё?

Что там к нам приблизилось и дышит
Мощью грозной силы вековой
Под небесной необъятной крышей,
Где гуляем только мы с тобой?

Пёс мой тихо ластится к колену,
Нос свой мокрый в руку мне суёт,
Подошли мы вместе к стогу сена,
Где кудесник полночи живёт.

Тот чихнул, немного повозился,
Вылез и насмешливо сказал:
«Я тут эта... просто вам приснился!»
Погрозился пальцем и пропал.

Месяц плыл, качаясь и вздыхая,
Сваливаясь к кромке темноты.
Где-то пела птица луговая,
Проступали зримые черты

Нашего затерянного мира,
Фыркал пёс, от свежести дрожа.
В небе заволакивая дыры,
Зорька разводила свой пожар.

Лунная лягушка

Лунная лягушка раздувает щёки,
Жамкает резиной из туманной мглы,
Мышь летает птицей, бьётся в водостоке,
И пугает ёжик остриём иглы.

Мокрая тропинка от росы искрится,
В ореоле света старый тополь спит,
И тысячелистник пеною ложится
Там, где ночь, густея, от луны бежит.

Вдалеке кукушка счёт ведёт минутам
Нехотя, как будто, или в полусне.
Фыркает каурый, на лужайке спутан...
Наш домишко древний от годов просел,

Смотрит в три оконца на кусты сирени,
Из светёлки лампа – будто светлячок.
И струится с липы дух медовой лени,
И приходит полночь на родной порог...

Дождь

Дождь подкрался незаметно,
Не спеша, вошёл на двор.
Тонкой сеточкой офсетной
Заволок небес рассветный
Неуверенный костёр.

Застучал в окно, слезливо
Зазмеился по стеклу,
А потом неторопливо
Штриховать затеял гриву
Старой липы. На углу

Палисада стебли выгнул
Золотых шаров моих,
Луговину перепрыгнул,
Промочив коровий выгул,
И, рассеявшись, утих.

В воздухе повисла влага,
Луч пробился золотой.
Листьев мокрую бумагу
Ветер затрепал, и тяга
Дым взметнула над трубой.

Любимчик

Моего кота усищи
так и рыщут, так и рыщут.
Глаза завидущие,
лапы загребущие.

Моего кота одёжка
черная, как головёшка.
Он сидит, качается,
но не умывается.

Моего кота хвостище,
словно толстый хворостище,
Кот им возит по полу,
глазом муху лопает.

Моего кота забота —
не учёба, не работа,
А лежать на солнышке,
как простое брёвнышко.

Моего кота супруга —
ему верная подруга,
Первой к миске бегаёт,
за кота обедает.

Почему-то только кот
не худеет, вот.

А ещё бы я сказала,
даже и наоборот, вот.

Как у моего кота
стало много живота.
Красота!

Летний ливень

Дождь расходится, густеет,
Налетает на крыльцо,
Сыростью из окон веет,
Лижет влагою лицо,
Прижимает ветви долу,
Треск – и вишни старой стон...
Ветер выпекает соло
Каждый тон и полутон.
Набирает буря силу,
Рубероид с крыши рвёт,
И играют ветра пилы,
И с небес река течёт.
Яблонь чёрные колени
Тонут в слякоти земной,
В дождевой алеет пене
Сбитых яблок ровный слой.
Чайки мокрыми крылами
Обречённо шевелят
И, поникнув головами,
Молча вытянулись в ряд
На коньке соседской крыши
В этом мареве густом.
Сад внизу гвоздикой вышит
По канве травы – крестом...
Первый луч пробился еле,

Робким блеском хмарь спугнул,
Вновь пичуги зазвенели,
Кончик радуги мелькнул
И разлился полосою,
Выгнув разноцветьем свет.
Над омытой красотою —
Ливня летнего привет...

Холсты

Старые часы

Не люблю четверги, как предвестники скорой разлуки,
Как оскомину дней, надоевший пустой пересчёт.
Я обычно в четверг изнываю, дурею от скуки,
Но часы, как назло, не хотят продвигаться вперёд.

А часы не спешат, мерно маятник ходит со стуком,
В этой старой коробке зубцами стальных шестерён
Перемолота жизнь моя в пыль, перемолота в муку,
Вечный азимут стрелки латунной мне в душу вострён.

Он сокрыт завитком, как безумьем сокрыто когда-то
Время юности было, не знавшее тяжести ног...
Я в четверг узнаю в ходе времени поступь Пилата,
Не сменившего так и ни разу солдатских сапог.

И, восстав из руин, из уютной пещеры кровати,
Перетекши в гостиную тенью заложницы тьмы,
На ходу надеваю любимое красное платье
И маячу до вечера флагом в окошке тюрьмы.

Понемногу вкушаю рассвета, заката и кофе,

И, дозируя силы, остаток их трачу на сон,
Дабы к пятничной выйти, исполнившись счастья,
Голгофе,
С чистым сердцем часов моих слыша прощальный
трезвон.

Речитатив

В моём коллаже день сменяет ночь,
И мысль одна сверлит больное темя,
Что в этом мире некому помочь
Мне стать неуязвимой перед всеми.

Я ощущаю рядом пустоту
В густой толпе и некуда деваться
Мне, стиснутой телами, лишь бреду,
Шепча речитатив аллитераций.

Скрипит под стрелкой гнутый циферблат,
И смерть заядло выбирает снасти.
Мои стигматы пламенем горят
В людской пучине низменного счастья.

Я жгу себя на медленном огне
Костра потерь, подкладывая угли,
А ночь сменяет день в моём окне,
И жизни тусклый свет идёт на убыль.

В сумерках

Цвет сумерек сгущен тенями,
Стволами расчерчен дерев,
И снега холодное пламя
Порхает меж сосен. Осев
На вязкой от грязи дороге,
Смешавшись с опавшей листвою,
Прильнувши к озёрной осоке,
Сияет своей новизной
И кружит в свободном паденье,
Как в вальсе. Белёная мгла
Сравнила и вечер осенний
И водного призму стекла
В единое целое, влагой
Наполнив вечерний пейзаж
И сделав прозрачной бумагой
Осенний скупой антураж.

Звучание

Из гаммы мажорной минорным звучу флажолетом,
В восходе ищу знаки смысла и подлинной веры,
В закате опять нахожу приземлённость бекара
И ключ мироздания – в сгустившейся пагубе ночи.

Наверное, что-то сломалось в часах из картона,
К которым привешены цепи и медные гири.
Пророчество птицы измерено жалобным писком,
И ждёт ненасытная бездна опять подношений.

А бабочка бьётся в стекло закупоренной страстью,
Чья целостность веку сродни из обугленных крыльев.
Не знаю, когда я вступлю в эту реку молчанья,
Где весь эпатаж осыпается кварцевой пылью...

Оркестры вздохнут в вышине синей музыкой света,
Чистейшей симфонией мира, добра и покоя.
Змеиною кожей сморщится смертное тело,
И бабочка страстной души воспарит над землёю.

Человече

Мягче мякоти киви, краснее созревших томатов
Человече, покрытое тонкою кожей, нутро,
Что на алчность и подлость излюбленно было богато,
Райским змеем обмануто ловко, премудро, хитро.

Яда выплюнул он в эти тонкие синие вены
Слишком много, – достало для войн и бранчбы на века.
И давно кардинальные миру нужны перемены,
Но людишки с соблазном не в силах бороться пока:

Их лапошить легко за кусочки вощёной бумаги
Под наркозом любим – от глагола и до мишуры...
И во все времена единицам хватало отваги
Из сомнительных рук не принять, а отвергнуть дары.

Протоплазма Земли, удобрение бранного поля,
Ненасытная плоть, добровольный вселенский подмор,
Ты без разума нищ и, в рабах прозябая, доколе
Будешь, волю презрев, сохранять лишь
накопленный сор?

Ты, по образу созданный Бога, погрязший в гордыне
Из-за призрачной власти над миром, за звон медяков
Превращающий землю из сада – в жаровню пустыни,
На смерть будешь потомками проклят во веки веков.

Не найти тебе счастья в богатстве, не будет покоя
Без тепла человеческих чувств, без духовности уз...
Наша грешная жизнь без любви и полушки не стоит,
Как без Божьего имени воздух отравленный пуст.

Застенчиво, доверчиво, печально

Застенчиво, доверчиво, печально
Ласкает клён оконный переплёт,
И жёлтый лист – стафет его прощальный
Ещё чуть-чуть и в лужу упадёт,

И письма размокнут жильных строчек,
И побуреет золото, увы.
Висит паук намокший, как комочек,
С крестом на тельце... А из головы

Нейдёт моей, как не хочу я в город,
Как душно мне в пространстве серых стен,
Какой по воле ощущаю голод
Я там, где сердце попадает в плен

Условностей. И снова будет стужа,
И я, как муха, – пленница тенет
Московских улиц, что пространства уже,
Где мне струит небесный чистый свет

Вот эта даль, то спрятанная дымкой,
То залитая солнечным огнём,
Впаду в анабиоз. И под сурдинку
Метели городской ненастным днём

Всплакну душой по сиротине – клёну,
По дому, занесённому по грудь
Снегами, что дают земному лону
В покое зимнем тихо отдохнуть...

Тоски моей сегодняшней причины,
Наверное, в погоде не сыскать.
Горят в окне разлапые рябины,
И мелкий дождик припустил опять.

Солнце ходит по малому кругу

Солнце ходит по малому кругу,
На закате ложится в туман.
Листопад накрывает округу,
Запах осени терпок и прян.

Сок из яблока сладостью брызжет,
Хрустко кожица рвётся во рту.
Горизонт растворяется рыжий
В вихре света. Стою на мосту,

Ветру щёки и лоб подставляя,
Под ногами – хрустальная гладь...
Я по книге великой читаю,
Что дано мне, песчинке, познать

В этом мире и хрупком и нежном:
Он без разума горек и пуст,
И в конце прозвучит неизбежном
Словно яблока спелого хруст.

Докучливо, рассеянно, тревожно

Докучливо, рассеянно, тревожно
Судачит ветер, рвёт снаружи дверь,
Цепь на колоде звякает острожно
Знаменьем ожидаемых потерь.

Ещё костром пылают георгины,
И буйствуют соцветья хризантем,
Но золотые вспыхнули седины
В зелёных кронах. Лес умолк совсем,

Лишь изредка раздастся крик унылый,
И ворон чёрной тенью взмоет вверх...
Река ручьём бежит в потоке ила,
И моха высох тонкий белый мех.

Нет ни грибов, ни клюквы, – влаги мало,
Сухая осень нынче не щедра.
А, может быть, земля родить устала,
Сочувствия не зная и добра.

На сердце грусть, а под ногами хрустом
Звучит упавших сучьев россыпь. Мне
Так холодно, невыразимо пусто,
Как будто я приблизилась к зиме.

И так опять не хочется в морозы,
Таская садаль шубы на плечах...
Ну, а пока из зарослей рогоза
Раздался чёрных крыльев шумный мах,

И пух поплыл. Я выбралась из плена
Тоскливых дум и ветреного дня...
И завершилась дома мизансцена
У русской печки под напев огня.

Сила слова

Крылышки твои из пастилы,
Розовая девочка-разлука.
Перемелют молоха валы
Всё твоё. Великой силой звука
Двигается вселенная назад,
К Хаосу, как божеству, взывая,
И людишки звёздами горят —
В тысячах парсеков мрут от рая...
Голос твой из хрипа жильных струн,
Мальчик голубиноного полёта.
Вскоре перегаснут сотни лун,
Солнц остынут злые огнемёты,
Потечёт меж пальцев пустота
У Творца, что был Отцом живого...
Мир возобновит не красота,
А из уст Его живое Слово!

Её величество ночь

Глядит луна украдкой во двор,
Где ртуть росы тревожно серебрится.
Мне звёзд далёких слышен разговор
И вскрик негромкий заполошной птицы.

Осенней лунной ночью воздух чист,
И влажной гроздью льнёт к щеке рябина...
Вот где-то вдалеке раздался свист,
Вот шелестит осина за овином...

А запах прели льётся, как вино,
Настоянное на волшебных травах,
И тонкий луч сияющий в окно
Вперяет свет. И медленной отравой,

Сомнамбула, я вновь напоена,
Стою свечой и догораю... зябко...
А в небе только странная луна,
Да звёзд вокруг рассыпана охапка.

Мыслью светлой, но печальной

Мыслью светлой, но печальной
Я с утра удручена, —
Птичьей песнею прощальной
Осень за окном слышна.
Снова с шелестом скрипучим
Ветер трогает листву,
И бегут куда-то тучи.
На холодную траву
Дичка-яблоня роняет
Сиротливые плоды,
И сухой листок качает
Бочка, полная воды.

Белорыбица

Утонула луна в облаках белорыбицей,
Плещет ветер, играет, как волнами, бликами.
Органза поднебесная – занавесь тонкая,
Растворяет туман очертания зыбкие.
По-над лугом струится дыхание сиверка,
И студёными росами травушка клонится...
Только звуки, как эхо, в ночи повторяются,
Только сердце тревожится, нежности полное...
Вот ещё одна осень подкралась несмелая,
Тонкой кисточкой робко листы переметила,
И хрустальными водами в мирном сиянии
Белорыбицу ленную тихо баюкает...

Сентябрь

Пегие поляны обдувает ветер,
Золотые пряди путает берёз,
И река сияет синей гладью петель,
Облака качая. Время белых рос
Наступило, птицы тренируют крылья
Перед дальней далью ветреных дорог.
Сад мой весь усыпан серебристой пылью —
Искристою влагой, и родной порог
Холоден поутру, лёд его ступеней
Обжигает ноги. Виноград багрян.
В палисаде липа кроны ржавой пеной
Шелестит сварливо. Клёна тонкий стан
Обрамлён кострищем алости листовяной,
Красная рябина – в гроздьях напоказ...
И сентябрьской прелью пахнет нежно, пряно,
И сетей паучьих рвётся тонкий газ.

Цикл «Наедине»

1

Вглядитесь в лица тех, кто имеет силу,
Как их глаза мертвы и холодны.
Кто роет человечеству могилу,
Тех речи искушённые складны.
Они кромсают плоть живой планеты,
Но говорят, что в мир несут добро,
Им все четыре части платят света

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.